

УДК 82-1/-9

Р.Б. Щетинин

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНИППЕИ

Рассматриваются основные особенности такого периферийного жанра античной литературы, как мениппея, явившегося очень важным для дальнейшей истории мировой литературы. Анализируются история возникновения и развития этого жанра. В ходе исследования раскрываются те элементы, которые позволяют относить художественное произведение к жанру мениппеи.

Ключевые слова: мениппея, Варрон, Менипп, литературный жанр.

Несмотря на общепринятую практику рассматривать, как в литературе последующих эпох функционирует жанр античной мениппеи, вопрос истории развития самого этого жанра остаётся малоизученным. На это имеются объективные причины: слабая распространённость в Античности, очень короткое время существования в чистом виде, небольшое количество дошедших до нас текстов данного жанра (в основной своей массе это отрывки) и очень незначительное число трудов античных авторов об античной мениппее, которые могут быть по-разному истолкованы из-за технических сложностей перевода. Кроме того, сам по себе этот вид серьёзно-смехового жанра является низовым, что также отрицательно сказалось на интересе к нему со стороны исследователей.

Наиболее полным трудом, подводящим итоги исследования менипповой сатуры за всё предыдущее время в отечественной и зарубежной науке, является работа И.В. Помяловского «Марк Теренций Варрон и Мениппова сатура» [1]. Профессор Н.М. Благовещенский, занимавшийся изучением этого вопроса, дал положительную оценку работе И.В. Помяловского. Этих вопросов касались также исследователи В.С. Дуров [2], Л.Д. Тарасов [3], И.М. Тронский [4].

В литературе термин «сатира» впервые использовал римский поэт Квинт Энний (239–169 гг. до н.э.). Он (и вслед за ним Пакувий) дал название «Satura» сборнику отдельных стихотворений, которые, несмотря на различия в содержании и метрической структуре, преследовали общую цель – выразить личное мнение автора [5. С. 510]. Впоследствии сатирами стали называть и отдельные стихотворения. Луцилий в сборнике, построенном по тому же принципу, объединил стихотворения поучительного содержания с такими, в которых имела критика времени и общества, так в сатире возник её основной отличительный элемент – полемически-критическая тенденция. Наряду с луцилиевой в I в. до н.э. возникла другая форма сатиры – мениппова сатира (satura menippea).

Л.Д. Тарасов в статье «Марк Теренций Варрон Реатинский как сатирик» [3] даёт следующую схему развития римской сатиры:

I. Сатура – римское народное игрище.

Невий (270–200 гг. до н. э.).

Энний (239–162 гг. до н. э.).

Луцилий (168–102 гг. до н. э.).

Варрон (116–27 гг. до н. э.).

Гораций (65–8 гг. до н. э.).

Сенека (2–65 гг. н. э.).

Петроний (20–65 гг. н. э.).

Персий (34–62 гг. н. э.).

Ювенал (47–127 гг. н. э.).

II. Басня. Федр.

III. Эпиграмма. Марциал.

М.М. Бахтин определял сатиру как междужанровое явление, особое, «критическое» отношение творящего к изображаемой им действительности, основанное на амбивалентном сатирическом смехе, восходящем к архаическим народно-праздничным осмеяниям. Так, в статье, написанной в конце 1940 г. для так и не вышедшего из-за начала войны десятого тома «Литературной энциклопедии» (1929–1939), Бахтин под словом «сатира» обозначает три явления:

1) определенный стихотворный лиро-эпический мелкий жанр, сложившийся и развивавшийся на римской почве (Невий, Энний, Луцилий, Гораций, Персий, Ювенал) и возрожденный в Новое время неоклассиками (сатиры Матюрена Ренье, Буало, Кантемира и др.);

2) менее определенный смешанный (с преобладанием прозы) чисто диалогический жанр, возникший в эллинистическую эпоху в форме философской диатрибы (Бион, Телет), преобразованный и оформленный циником Мениппом (III в. до н. э.) и названный по его имени «менипповой сатирой»; эта форма сатиры непосредственно подготовила важнейшую разновидность европейского романа, представленную на античной почве «Сатириконом» Петрония и отчасти «Золотым ослом» Апулея, а в Новое время – романами Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль») и Сервантеса («Дон Кихот»);

3) определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т.е. к изображаемой действительности), определяющее выбор средств художественного изображения и общий характер образов; в этом смысле сатира не ограничена указанными выше двумя определенными жанрами и может пользоваться любым жанром – эпическим, драматическим, лирическим [6. Т. 5. С. 11].

Здесь необходимо заметить, что в современном литературоведении не существует однозначной точки зрения на жанр мениппеи. Так, если одни исследователи, вслед за М.М. Бахтиным, отстаивают научную значимость этого понятия, то другие – отказывают этому жанру в праве на существование. Две эти полярные позиции представлены в научных трудах В.Л. Махлина и М.Л. Гаспарова.

Критическую точку зрения на существование в истории литературы жанра мениппеи исследователь М.Л. Гаспаров высказал в статье «История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина» [7]. Известный филолог-классик, говоря о том, что данный жанр был полностью сочинён М.М. Бахтиным, о широте этого понятия («...едва ли не любое произведение, упоминаемое Бахтиным, оказывается чем-нибудь причастно мениппее»), о нестабильности и подвижности признаков мениппеи, приходит к

выводу о недопустимости подмены исторического факта теоретическим конструктом.

Противоположное мнение в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) высказал В.Л. Махлин. Его доводы, приведенные в защиту мениппеи как термина исторической поэтики, содержат ответы на замечания М.Л. Гаспарова и предваряют вопросы тех специалистов, которые размышляют по поводу возможностей обращения к категории для «адекватного научно-продуктивного применения ее в историко-литературных и теоретических исследованиях» [8]. Сама логика истолкования понятия в одноименном словарном разделе В.Л. Махлиным, включающая объемный пласт историко-литературной информации и подробно раскрывающая теоретические основания возникновения и функционирования феномена в науке, указывает на особые обстоятельства современной реактуализации категории, во многом вызванной радикальным переворотом в эстетическом сознании XX в., пересмотревшего представления о жанровых основаниях литературы.

Рассматриваемый жанр мы будем в дальнейшем называть мениппеей или «менипповой сатурой», а не «менипповой сатирой», так как первое название отражает в большей степени суть этого жанра, чем второе. Сатира – это дальнейшее развитие жанра сатуры, и она уже не содержит смешения жанра стихов и прозы, что и определяет само название жанра *satura* (производное от *лат. lanx satura* – блюдо, наполненное всякими плодами, которое вносилось в храм Цереры). Кроме того сатира в Античности чаще всего писалась в стихотворном виде.

Квинтилиан в 10-й книге своего произведения «Наставление оратору» («*Institutio oratoria*»), представляющей собой краткий очерк истории греческой и римской литературы, называет Луцилия, Горация и Персия представителями одного рода сатуры; основателем и представителем другого считает Варрона. О характере и форме сатуры Луцилия мы имеем свидетельства в сатирах Горация, который сравнивает сатуры своего предшественника с произведениями древней аттической комедии и находит, что Луцилий совершенно от них зависит, в том смысле, что он как бы «обнажённым мечом поражал пороки, порицая всех порочных, были ли они аристократы или из простого класса» [1. С. 169].

Первоначальная сатура была, по свидетельству античных историков, драматической: об этом пишет, в частности, Тит Ливий в книге VII своей «Истории от основания города» («*Ab urbe condita*»). В римское консульство Авла Сульпиция Петика и Гая Лициния Столона, когда в Риме свирепствовала моровая язва, были приглашены с религиозной целью этрусские актёры. Они, для умиловления гнева богов, ввели сценические представления, состоящие исключительно из танцев, без сопровождения музыки и пения. Римская молодёжь пародировала эту пляску, сопровождая мерные движения шутливыми стишками. Возник класс чисто римских актёров, которые представляли сатуры, имевшие метрическую форму, при звуках флейты и сопровождали их мерными движениями.

Другая разновидность сатуры – это сатура Марка Теренция Варрона Реатинского (116–27 гг. до н.э.). До нас из 150 его книг дошли 90 названий и 591 фрагмент. Цицерон в «Академике» («*Academica*»), когда пишет о литератур-

ной деятельности своего друга Варрона, вкладывает в его уста следующее высказывание, произнесённое в разговоре о недостаточности философских занятий у соотечественников и о том, что он, Варрон, по мере сил старался возбудить в них любовь к этим занятиям: «И, однако, в тех старинных моих сочинениях, которые, подражая Мениппу, но, не переводя его, я перемешал с известною долей весёлости, много примешано из внутренних областей философии, многое сказано диалектически; это сделал я с тем намерением, чтобы люди, не так учёные, понимали их легче, будучи приманиваемы к чтению как бы удовольствием; я имел также намерение писать с философским оттенком в похвальных словах и даже в самих предисловиях к древностям, не знаю только, достиг ли я этого» [1. С. 161]. Таким образом, Варрон хотел популяризовать греческую философию, придав её изложению занимательную форму. Варроновы мениппеи, как и рассматриваемые выше, имели драматическую форму. В отрывках дошли до нас следы разговорной формы, от которой переход к драматической более чем лёгок.

Сатура Варрона, наподобие первоначальных сатур, имела разнообразную метрическую форму и ещё что-то, кроме неё, чего не имела прежняя драматическая сатура. Квинтилиан в «Наставлении оратору» называет это «alterum... genus sed non sola carminum varietate mixtum» («второй... вид, переплетённый разнообразием, а не один лишь стих» – *здесь и далее в скобках перевод авторский*) [1. С. 165]. Перевод и толкование этой фразы у исследователей разнится, и именно с этим связана трудность определения жанра мениппеи. Приведём различные точки зрения на эту проблему, представленные И.В. Помяловским.

1. Французский филолог конца XVI – начала XVII в., профессор греческого языка И. Казобон в рассуждении «De satirica Graecorum poesí et Romanorum satíra» (1605) говорит, что в мениппеях была смесь не только разнообразных метров, но даже речи прозаической с речью поэтической. Кроме смешения прозы с метрической речью, И. Казобон признаёт в мениппеях Варрона смесь языков – латинского и греческого. Такого же мнения придерживались швейцарский учёный-энциклопедист XVI в. К. Геснер и немецкий исследователь начала XX в. Р. Элер.

2. Готтлиб Репер не разделяет этой точки зрения, считая форму сатур Варрона исключительно метрической. Он видит противоположение к *carminum varietas* («разнообразию стиха») в характере и оценке изложения, в способности переменять тон, говорить о важных предметах шутя и т.п.

3. Поэт Сицилии конца XVIII – начала XIX в. Дж. Мели считает, что это противоположение – проза.

4. Немецкий исследователь А. Ризе полагает, что в сатуры Варрона, по мнению Квинтилиана, приходила ещё другая *varietas*, и она могла быть или *varietas* метров или *varietas*, происходящая от соединения различных метров с речью прозаической.

5. Сам И.В. Помяловский придерживается следующего взгляда: «Она [сатура Варрона. – Р.Щ.] отличалась от сатуры Луцилия, Горация и Персия и составляла небывалую дотоле в литературе обработку прежнего, древнего вида сатуры; по форме своей сатура Варрона имела разнообразное смешение стихотворной речи – (с речью прозаической)» [1. С. 165].

Н.М. Благовещенский по этому поводу писал: «Отличие Варроновой сатиры состояло не только в разнообразии метров, а в том, что она представляла смесь прозаической речи со стихотворной, серьёзного с шуткой и латинской речи – с греческой» (цит. по: [3. С. 290]).

Таким образом, можно сказать, что жанровое определение менипповой сатуры не однозначно: не все исследователи склонны считать, что в этом жанре происходит смешение прозаической и стихотворной речи, хотя тех, кто так считает, большинство. М.М. Бахтин, выделяя основные стилиевые черты мениппеи в книге «Проблемы поэтики Достоевского» [9], называет в числе прочих и смешение стихов и прозы, но говорит об этом элементе в последнюю очередь. Если предполагать, что при выделении стилиевых черт мениппеи М.М. Бахтин придерживался определенной иерархической последовательности, то можно допустить мысль, что он не считает данный признак необходимым условием мениппеи, хотя и допускает его наличие в последней.

Что касается непосредственно самих произведений Варрона, то нам известны следующие из них. Римский учёный II в. н.э. Авл Геллий упоминает в своём собрании трудов «Аттические ночи» («Noctes atticae») такие сатуры Варрона, как ὕδροκῶν («Водопёс»), ἰπλοκῶν («Конепёс»), σχιομαχία («Раздоробой»), περὶ ἐδεσμάτων («О еде»), δις παίδεο οἱ γέροντες («Старые – дважды дети»), τὸ ἐλπί τῆ φακῆ μύρον (?) («Благовонная мазь из чечевицы»), nescis quid vesper vehat («Ты не знаешь, что вечер принесёт»), testamentum («Завещание»), exdemeticus (непереводимо с латинского), de officio mariti (?) («Об обязанности мужа»).

И.В. Помяловский в качестве вывода пишет: «Был известный отдел произведений Варрона, состоявший из 150 книг и носивший название *Μενίπρεαγυμ libri* («Книга мениппей»); это было юношеское произведение писателя, в котором он подражал сочинениям Мениппа, но не переводил их; общий тон этих сатур был весёлый, но вместе с тем они имели целью и философское образование читателя. Что же касается до их формы, то из свидетельств древности можно вывести лишь то, что в них были разнообразные стихотворные метры, перемешанные – с прозой (?)» [1. С. 169]. Мнение И.В. Помяловского о том, что это были юношеские произведения Варрона, категорически не принимает Л.Д. Тарасов. В своей статье он доказывает, что по крайней мере одна из сатир, «Трёхглавый», была написана Варроном в 56 лет [3]. Автор комментария к Вергилию Марк Валерий Проб пишет, что «Варрон, подобно Мениппу, придал отделку своим сатурам введением разнообразных стихотворений» [1. С. 184].

Полемическим является и вопрос о том, какие произведения античных авторов, кроме Мениппа и Варрона (мнения о которых являются однозначными), принадлежат к жанру мениппеи. Немецкий филолог XIX в. Ф. Бюхлер и многие другие относят к этому жанру такие произведения, как «Ἀλοκολόκῶνθωσις» («Отыквление») Сенеки, «Satyricon» («Сатирикон») Петрония, «Καίσαρες» («Цезари») и «Μισολόγων» («Ненависть к бороде») Юлиана, «Consolatio philosophiae» («Утешение философией») Боэция, «De nuptiis philologiae et Mercurii» («О браке филологии и Меркурия») Марциана

Капеллы. И.В. Помяловский выступает против этого: «Как можно сравнивать произведение Сенеки, существующее вполне, с немногими отрывками сатуры Варрона, из которых нельзя составить почти никакого понятия об этом роде сочинения? Единственным данным для сравнения будет форма, да и та ещё оспаривается относительно мениппеи Варрона. Мы посему не можем ни отрицать, ни утверждать – принадлежало ли «Ἰαλοκολοῦνθωσις» («Отыквление») Сенеки к Мениппеям или нет» [1. С. 269]. В отличие от него М.М. Бахтин считает «Ἰαλοκολοῦνθωσις» Сенеки классической «менипповой сатирой», а «Сатирикон» Петрония – развернутой до пределов романа «менипповой сатирой» [9. С. 65 – 66]. Последняя точка зрения является наиболее классической, и мы придерживаемся именно её.

Далее следует представить краткую историю развития жанра менипповой сатуры. В.С. Дуров в статье «Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика» пишет: «Из многочисленных литературных жанров, усвоенных римлянами у греков, особенно прижились в Риме те, которые были созданы в среде кинических и стоических философов» [2. С. 187]. Киники являлись наиболее значительной сократической школой греческой философии. Имя своё они получили либо от Киносарга – гимнасия, где занимался с учениками Антисфен (ок. 444–366 гг. до н.э.), основатель школы, либо от слова κῶν, κυνός – собака, поскольку Антисфен считал, что жить следует «подобно собаке». Из учеников «Истинного Пса», как он себя называл, выделяется Диоген из Синопы, который своим учением и примером увлёк Кратета из Фив. Он, первым из киников начав цитировать и пародировать известных поэтов и создав тем самым предпосылки появления характерной для мениппеи смеси из прозы и стихов, обратил внимание на ценность поэтической формы в философском обсуждении. В греческой литературе, вероятно, уже были попытки такого рода, например, Тимон из Флиунта (IV–III вв. до н.э.), поэт-скептик, автор 3 книг стихов – «Силл», в которых едкая сатира на философов часто имеет форму пародии.

Огромное влияние на формирование жанра мениппеи оказала популярно-философская диатриба, создателем которой считается Бион из Борисфена, одно время бывший слушателем Кратета. Как указывает В.С. Дуров, Эратосфен, по преданию, сказал, что «Бион первый нарядил философию в лоскутное одеяло гетеры, так как его речь была смешана из выражений разного стиля» [2. С. 189]. Свою классическую форму жанр греческой диатрибы приобрёл в творчестве Телета Мегарского, автора III в. до н.э., подражавшего Биону. Его диатрибы представляют собой рассуждения о различных житейских вопросах в духе кинической морали. В жанре диатрибы писал также эпикурейский философ Филодем из Гадар (ок. 110–40/35 гг. до н.э.), но от его сатир почти ничего не сохранилось. В какой-то период становления обоих жанров диатриба Биона сближается и, возможно, даже смыкается с мениппеей. В дальнейшем в диатрибе станет преобладать поучительная струя, в мениппее – сатирическая.

Ближайшим подражателем Мениппа был его соотечественник, поэт и философ-киник Мелеагр из Гадары (ок. 140–70 гг. до н.э.), который в двух автоэпитафиях писал о своём увлечении «Менипповыми харитами». Но сами тексты его сатир, написанных в подражание Мениппу, не сохранились.

И.В. Помяловский пишет, что «весьма не полную биографию Мениппа оставил Диоген Лаэртский в VI книге своих βίων καὶ γνώμων τῶν ἐν φιλοσοφία εὐδοκίμησάντων βιβλία I («Жизнеописаниях и мнениях знаменитых философов. Книга I»)), в которой он приводит жизнеописания и учения последователей Антисфена: «Менипп, и сам циник, родом финикиец, был рабом, как говорит Ахаик в «Нравственных правилах» (ἠθικά). Он не представляет ничего серьёзного; напротив его сочинения наполнены множеством насмешек, подобно сочинениям Мелиагра, его современника. Ермипп говорит, что он сделался и прозывался подневным ростовщиком» [1. С. 170]. Некоторые говорят, что «его сочинения писаны не им, а Дионисием и Зопиром Колофонцами, которые, ради шутки, написав, дали ему, как человеку, бывшему в состоянии их продать» [1. С. 170].

Менипп был философом кинической школы и жил в одно время с древнегреческим поэтом и философом-киником Мелеагром (ок. 140–70 гг. до н.э.). По сообщениям греческого историка Страбона (ок. 64–63 гг. до н.э. – ок. 20 г. н.э.), Менипп был родом из Гадар, и эта точка зрения считается сейчас наиболее верной. Но Диоген пишет, что Менипп – финикийнин. Также Диоген сообщает, что у Мениппа было 13 произведений. Известны названия следующих его сатур: Νέκρια («Некромантия») (это название XI песни «Одиссеи», в которой рассказывается о сошествии Одиссея в преисподнюю), с которой сравнивают произведение Лукиана Νεκρομαντία («Некромантия»); Διαθήκαι («Завещания»); Ἐπιστολαὶ κεκομψευμένα ἀπὸ τῆ τῶν θεῶν προσώλου («Пойманные письма от лица богов») – шуточные послания от лица богов, которые можно сравнить с произведениями Лукиана Ἐπιστολαὶ Κρονικαὶ καὶ θεῶν διάλογοι; πρὸς τοὺς φυσικοὺς καὶ μαθηματικοὺς καὶ γραμματικοὺς καὶ γονᾶς Ἐλικούρου καὶ τὰς θρησκευομένας ὑπ' αὐτῶν εἰκάδας («Письма, восходящие к временам Крона, и разговоры богов; к физикам, математикам, грамматикам, к исчадию Эпикура и к считаемым ими святыми цикадами (из 20 состоящим)»); Διογένους πρᾶσις («Продажа Диогена»).

Греческий грамматик Афинея (ок. 200 г. н.э.) приводит отрывки из двух сочинений Мениппа: Συμπόσιον («Пир») и Ἀρκεσίλαος («Аркесилай»). Возможно, им были также написаны две комедии: «Керкопы» и «Змеи». О том, что Менипп писал сатиры, в которых перемешивались различные метры, свидетельствует комментарий к Вергилию, приписываемый римскому филологу Марку Валерию Пробу: «Varro Menippeus nominatus – a societate ingenii, quod is quoque omnigeno carmine satiras suas expolivit» («Называемые мениппеями Варрона – из-за общей природы, которую он отдал всякими разнородными стихами в своих сатирах») [1. С. 173]. Возможность присутствия стихотворной формы в сочинениях Мениппа допускают также такие исследователи-классики, как Л. Преллер, А. Ризе, В.М. Фриче.

В некоторых произведениях Лукиана в качестве главного героя выводится Менипп, который пародирует стихи Гомера и Еврипида, из чего можно

предположить, что эти пародии были и в сочинениях самого Мениппа. Доказательство присутствия в сочинениях Мениппа стихотворной формы есть в произведении Лукиана «Дважды обвиненный» в словах одного из его героев «Диалога», обвиняющего перед судилищем Зевса самого Лукиана в том, что он его, витавшего в высших сферах, принудил спуститься на землю; отнял у него важный трагический характер, придав комический и сатирический, чуть-чуть даже не смехотворный; он встроил в него, смешав воедино, и сарказм, и ямбы, и цинизм Евполиада и Аристофана, людей, сильно шутящих над серьёзным и насмехающихся над хорошим. «Он выкопал какого-то Мениппа, как кажется, самого задорного и злого из древних циников, и ввёл его в меня, хотя он был страшен, как настоящая собака, и кусал тайком; так как кусал, смеясь... Самое же безобразное из всего, это то, что я теперь представляю какое-то удивительное смешение, будучи ни прозаическим (πεζός), ни стихотворным; я представляюсь слушателям каким-то сложным и незнакомым видением, наподобие иппокентавра» [1. С. 174]. В этих словах Лукиана, произносимых от лица «Диалога», – характеристика стиля Мениппа. Слова «Диалога», что теперь «οὐτε πεζός εἶμι οὐτε ἔτι τῶν μέτρων βέβηκα» («я ни в прозаическом, ни в стихах не декламировал»), прямо свидетельствуют о присутствии стихотворного элемента в произведениях Мениппа.

Диоген Лаэртский говорит о том, что Менипп не писал ничего серьёзного, но сочинения его, подобно сочинениям его современника Мелеагра, наполнены множеством насмешек. Страбон же называет его произведения σπουδοῦέλοιοις («серьёзно-смешное») [1. С. 174]. Так же будет потом называть жанр мениппеи и М.М. Бахтин. Диоген Лаэртский сравнивает сочинения Мениппа с сочинениями Мелеагра. Афинея сохранил заглавия произведений «Συμπόσιον» («Пир»), «Χάριτες» («Хариты»), «Λεκίθου καὶ Φακῆς σύγκρισις» («Сравнение чечевицы и тёртых бобов»), которые большинство учёных относят к сочинениям σπουδοῦέλοια, и некоторые даже полагают, что весь сборник этих сочинений звался «Χάριτες» («Хариты»). Сам Мелеагр признаёт, что во многом обязан «харитам Мениппа» [1. С. 175].

В жанре σπουδοῦέλοιοιων писали киники Моним, Блон Борисфенский. В σπουδοῦέλοια Мениппа были и пародии, и насмешки над богатством и знатностью, и осмеяние философских школ. Лукиан Самосатский (ок. 120 – ок. 190 г. н.э.) признаёт себя последователем Мениппа и неоднократно выводит личность самого Мениппа в своих сочинениях, например, в таких произведениях, как «Ἰκαρομένιπλος ἢ ὑπερνέφελος» («Икароменипп, или Заоблачный полёт»), «Μένιπλος ἢ Νεκρομαντία» («Менипп, или Вызывание мертвецов»). Характер речей, влагаемых Лукианом в уста Мениппа, совершенно соответствует понятию о σπουδοῦέλοιοις.

Таким образом, на основании имеющихся свидетельств и дошедших до нас отрывков можно представить жанрово-стилистические особенности менипповой сатуры.

Один из главных предметов, на который нападает Менипп в своих произведениях, составляли философские доктрины. Он признаёт их недостаточность, совершенно не соответствующую притязаниям философов, видит в их

диалектических спорах только потерю времени и строго порицает несоответствие между жизнью и учением философов. Это же есть у Варрона и Лукиана. Нападая на догматизм философских учений, Менипп и Варрон не ограничивались лишь отрицательным отношением к умозрению. Они имели свои убеждения относительно нравственности, счастливой жизни и т.д. Варрон, соглашаясь с Мениппом, советовал мириться с настоящим, довольствуясь насущным и презирая богатство. Оба они сочувствовали Диогену и Сократу как истинным философам.

В мениппее акцент ставится на показе отрицательных сторон человеческой жизни, на их осмеянии. Например, Менипп и Варрон смеются над богатством и суевериями. В частности, Варрон смеется над различными восточными культами, которые в его время входили в моду, например над культом Сараписа и Кибелы. Варрон также часто пользуется в своей критике приёмом противопоставления настоящего прошлому с последующим моралистическим резюме, например в сатире «Sexagesis» («Шестьдесят ассов»).

Варрон расхотелся с Мениппом в цели сочинения. Цицерон говорит, что Марк Теренций хотел в своих мениппеях *et delectare et prodesse* («и развлекать, и приносить пользу»). «Видя, что в Риме, сравнительно с Грецией, философия была далеко не в большом ходу, особенно в массе, по тому времени, образованной публики, Варрон возымел намерение познакомить эту массу с лучшими и главнейшими произведениями греческого мышления. С этой целью он выбрал форму лёгкую, рассказочную, в которую, однако, ввёл, незаметным образом, серьёзное содержание. Отношение Варрона к своему образу выразилось, помимо формы, в сходстве содержания, – главною составною частью которого была насмешка (*παίγνιον*), направленная против догматизма философов и людских страстей; только разница была в том, что у Мениппа насмешка составляла сама по себе цель, у Варрона же ею прикрывалась другая, более благородная – цель дидактическая» [1. С. 187–188].

Для мениппеи характерен мотив *κατάσκοπος* (соглядатай), когда наблюдатель человеческих дел обзирает их с какой-нибудь необычной точки зрения, например с высоты, при которой меняются все масштабы. Эффект видения сверху объясняется в сатире Варрона «*Γνώθι σεαυτόν*» («Познай самого себя»): «Разве ты не знаешь, как рыбаки, когда они хотят в море увидеть тунцов, взбираются на высокую мачту, чтобы разглядеть через воду рыбу?» (цит. по: [2. С. 194]). Этот приём используется также в сатурах Варрона «Эндимион» и «Марсипог».

Очень часто мениппея носит двойное заглавие, например у Варрона присутствует вторая часть названия исключительно на греческом языке, вводимая через греческий предлог *περὶ* {ο} и большею частью указывающая на философское содержание: «*Aborigines, περὶ ἀνθρώπων φύσεως*» («Предки, о природе людей»), «*Cygnus, περὶ ταφῆς*» («Лебедь, о погребении»), «*Vinalia, περὶ ἀφροδισίων*» («Праздник в честь Венеры, о любовниках»). Также очень часто в качестве заглавий используются греческие и латинские пословицы, сопровождающиеся объяснениями на греческом языке: «*Ἄλλος οὗτος*

Ἦρακλῆς» («Тот другой Геракл»), «Ἄμμιον μετρεῖς, περὶ φιλαργυρίας» («Ты меряешь песок, о сребролюбии»).

Ещё одна характерная особенность мениппеи – это присутствие в ней двойника. Самый характерный пример, на который указывает М.М. Бахтин, – это произведение Варрона «Vimarcus» («Двойной Марк»).

Варрон использует в своих мениппеях обращение к слушателю и читателю от лица автора. Часто встречаются обращения типа: «ogeде mihi» («верь мне»), «non vides?» («разве ты не видишь?») и др. Есть сатуры, в которых Варрон сам выступает в качестве действующего лица, например в «Sexagesis» («Шестьдесят ассов»), «Vimarcus» («Двойной Марк»), «Parmeno» («Равный Менону»).

Но, безусловно, самой характерной чертой, объединяющей сатиры Варрона и греческие мениппеи, была смешанная форма, состоящая из прозы и стихов. У Мениппа основа была, вероятно, прозаическая, а стихи служили украшением. Он пародирует стихи знаменитых поэтов, преимущественно Гомера и Еврипида, используя гекзаметр, хотя иногда и ямбический триметр. В произведениях Варрона часто пародируются стихи Энния, Луцилия, Плавта, Менандра, Пакувия самых различных метров. Иногда важные и торжественные гекзаметры Энния, находясь среди шутливой речи Варрона, производят на читателя то же действие, что и пародия. Немало у Варрона и ссылок на римских и греческих авторов – Аристотеля, Мнисифея, Скантия и др.

Таким образом выглядят основные черты античной мениппеи.

Литература

1. Помяловский И.В. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура. СПб., 1869.
2. Дуров В.С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика // Традиции и новаторство в античной литературе: Межвузовский сб.: Philologia classica. Л., 1982. Вып. 2. С. 187–199.
3. Тарасов Л.Д., М.Т. Варрон Реатинский как сатирик // Труды / Том. гос. ун-т. Сер. Филология. Т. 139: 5-я науч. конф. Том. гос. ун-та, посвящённая 350-летию г. Томска. Секция литературоведения. 1957. С. 281–315.
4. История античной литературы: Учеб. для ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. И.М. Тронского. 5-е изд., испр. М., 1988.
5. Словарь античности: Пер. с нем. / Редкол.: В.И. Кузищин и др. М., 1989.
6. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1997.
7. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина [Электронный ресурс] // Вестн. гуманитарной науки / Российский государственный гуманитарный университет. Электрон. журн. 2004. № 6 (78). Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924>, свободный.
8. Махлин В. Мениппея // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001. Стлб. 526.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.